

По страницам книги **SOLDAT. Reflections of a German Soldier. 1936-1949. Siegfried Knappe with Ted Brusaw (1992).**

Зигфрид Кнаппе (Siegfried Knappe – на фото слева) был участником победоносной кампании Вермахта весной 1940 года во Франции, позднее воевал на Восточном фронте и в Италии, был несколько раз ранен. Он принял участие в последних боях за Берлин и сложил оружие, когда Германия капитулировала. В 1945-47 годах он находился в заключении в Красногорском лагере неподалеку от Москвы. Позднее он сменил еще несколько лагерей, но наиболее значительная часть его «лагерных» мемуаров посвящена Красногорскому лагерю. Сокращенный перевод этих страниц мы предлагаем вниманию читателей. Стоит обратить внимание на то, что мемуары были написаны Кнаппе после нескольких десятилетий жизни в США и обращены, в основном, к американскому читателю. Как это часто бывает, находящийся на склоне лет автор, нередко старается показать себя в лучшем свете и, само собой, ни в чем не раскаивается. Тем не менее, книга представляет несомненный интерес для русскоязычного читателя, ибо в ней раскрывается, хотя и несколько однобоко, малоизвестная страница военной истории России.

Основные события в жизни Зигфрида Кнаппе – 1936 -1945

Март 1936 – окончание гимназии

Октябрь 1936 – поступление в артиллерийскую школу в Йене

Октябрь 1937 – поступление в военное училище в Потсдаме

Июль 1938 - окончание училища

Май - июнь 1940 – участие в Битве за Францию и первое ранение

Июнь - декабрь 1941 – участие во вторжении в СССР в составе группы армий «Центр» и второе ранение

Весна - лето 1942 – обучение в специальной артиллерийской школе Генерального Штаба и возвращение на фронт (район Смоленска)

Октябрь 1942 – третье ранение

Декабрь 1942 – февраль 1943 – штабная служба в Ростове

Весна – начало лета 1943 – Франция – тренировочный артиллерийский полк

Июль 1943 – февраль 1944 – Италия – военные действия по разоружению и нейтрализации капитулировавшей перед англо-американцами итальянской армии, подготовка оборонительных линий

Весна 1944 – Италия - фронтовое обучение штабной службе и четвертое ранение

Июль 1944 – январь 1945 – специальная подготовка в училище Генерального Штаба

Февраль – март 1945 - участие в обороне Бреслау и других оборонительных операциях в должности штабного офицера корпуса

Апрель – начало мая 1945 – участие в обороне Берлина и капитуляция

В Красногорском лагере

После трех бесконечных недель в карантине, в конце концов, я был отправлен в основной лагерь. Немецкий генерал-майор Бамлер (*Rudolf Bamler* - 6 мая 1896 – 13 марта 1972, в 1946-1952 гг. служил в *Штази/Stasi*) встретил меня в административном корпусе и проводил в барак. По дороге он разглядывал мою униформу.

- Вам будет необходимо избавиться от красных лампасов на брюках, - сказал он.

Я был удивлен, потому что лампасы были предметом гордости генерала или офицера генерального штаба. Я посмотрел на него и обнаружил, что на его форме лампасов не было.

- Почему? – спросил я.

- Потому что ношение лампасов отражает принадлежность к элитной группе, а здесь таковых нет.

Я ничего не ответил, но меня заинтересовало, почему немецкий генерал говорит об этом. Генеральный штаб и в самом деле был элитной группой, принадлежность к которой была предметом гордости. Я не заговорил с ним об этом в тот момент, но в последующие несколько дней то один, то другой *активист* позволили себе вербальные нападки на меня, в итоге я содрал свои лампасы, и, в какой-то степени, меня оставили в покое.

Группа пленных немецких генералов из Национального комитета «Свободная Германия» (Nationalkomitee Freies Deutschland — NKFD) подписывает обращение к офицерам вермахта. Генерал Бамлер – второй справа среди сидящих (<http://waralbum.ru/128240/>)

Появившись в своем бараке, я представился новым соседям, и мы обменялись историями своей жизни. Я искал обер-лейтенанта фон Буркерсрода (von Burkersroda) и столкнулся с ним в моем же бараке. Он познакомил меня со своим братом Фридрихом, который помнил меня с 1938 года, когда мы служили в одном полку. Его часть сдалась русским в Крыму летом 1943 года (? – ВК), и он уже успел провести в этом лагере два года. Позднее мы стали хорошими друзьями. Он сообщил мне, что генерал Бамлер сотрудничает с русскими в обмен на лучшее питание и обращение, и предупредил меня о том, что Бамлеру, как и тем людям, которых я мало знаю, можно говорить далеко не все.

Я начал осторожно присматриваться к окружающим. Я понял, что то, как они реагируют на окружающее в настоящий момент, является более важным чем то, что они делали или кем они были в прошлом. Теперь у меня была возможность поближе ознакомиться с лагерем. Каждый барак имел размеры 10 метров в ширину и 24 метра в длину. Через барак шло два прохода с нарами по обе стороны и дровяными печками в каждом конце. В углу каждого барака была отдельная комната для немецкого активиста, являющегося надзирателем барака.

Мы спали на трехъярусных нарах. Временами барак был так переполнен, что вшестером приходилось спать там, где было место для двоих. В такие моменты по ночам повернуться можно было только тогда, когда все поворачивались одновременно. Спали мы на набитых соломой матрасах. В проходе между нарами стоял небольшой стол. Стульев к нему не полагалось, но мы могли сидеть на нижнем ряду нар. Освещение было довольно слабым – в каждом проходе было только по две лампочки.

Каждое утро в 6.00 была утренняя поверка. Комендант лагеря, сопровождаемый младшим офицером, пересчитывал нас дважды в день. Он говорил нам по-русски: «Военнопленные, доброе утро», и мы должны были хором, тоже по-русски, отвечать «Доброе утро». Затем нас пересчитывали. Если цифры по каждому бараку сходились, мы могли идти на завтрак...

Если было необходимо сделать объявление, комендант делал его по-русски, а немецкий активист переводил. Затем активист обычно зачитывал новости, которые русские считали необходимым довести до нашего сведения. Часто это были тенденциозно поданные новости, которые однозначно говорили нам о том, что у русских серьезные проблемы в отношениях с Западом. Вообще, когда их отношения с западными странами ухудшались, ухудшалось и их отношение к нам, когда эти отношения улучшались, все было наоборот.

Мы завтракали после новостей. В каждом бараке были группы по 12-18 человек, и по одному человеку от каждой группы отправляли на кухню за едой. Каждая группа выдвигала наиболее надежного заключенного, в обязанности которого входили доставка еды в барак и деление получаемой еды на равные порции. Нашим ответственным лицом был гауптман Павелек (Pawelek), бывший судья из Бремена.

После завтрака мы шли в открытый сарай, через который проходила металлическая труба. Вода лилась через просверленные в трубе отверстия в расположенное ниже деревянное корыто. Мы стояли по десять человек по обе стороны от корыта и ополаскивались холодной водой выше пояса. Затем воду перекрывали, и мы чистили зубы (у кого не было зубных щеток, чистили зубы пальцем). У меня была зубная щетка, но пасты, разумеется не было. Затем мы выходили, и нас сменяла другая группа.

Уборная представляла из себя доску с двенадцатью дырками и была расположена над большой ямой, которую очищали каждые две недели. Она не была огорожена стенами, и в зимние холода оправляться было непросто. Уборная располагалась метрах в ста от барака, и для устранения дурного запаха регулярно применялись химикалии.

После проверки, завтрака и помывки те, кого отправляли работать, выстраивались возле барака и маршировали на рабочее место. Старшие офицеры по личному приказу Сталина были освобождены от работы. Все офицеры чином до гауптмана включительно должны были работать, но некоторые старшие офицеры добровольно присоединялись к рабочим бригадам, чтобы иметь возможность выбраться из лагеря. Большинство военнопленных работали на лесоповале, но некоторые трудились на предприятиях в Москве или в самом лагере (в бане, прачечных, на кухне и т.д.). Старшие офицеры также получали табачный рацион из 10 сигарет в день, а младшие чины – 10 сигарет в день за работу.

Утренняя поверка в Красногорском лагере для военнопленных
(<http://кихм.пф/history/town/index.php?action=show&razdel=4&pageid=9>)

Нас кормили в 7.30 утра, 12.30 дня и 5.30 вечера. Еда состояла из небольшой миски супа, подаваемой три раза в день. Супы были двух типов – капустный суп и каша. Хотя каша была довольно густой, нам доставались очень небольшие порции. В капустном супе кроме капусты попадались картошка и иногда маленькая рыбка – с головой и внутренностями. Я заставлял себя съесть ее, так как вкус был и запах были ужасными. Маленькая рыбка или кусочек мяса были единственным источником протеина для нас, и, хотя и эта еда была отвратительной, через несколько недель в лагере мы рассматривали такие куски как подарки судьбы. У нас не было выбора – приходилось есть это или голодать.

Российское правительство выделяло для лагерей определенное количество граммов мяса в день на человека, но в эти граммы входили кости, рога и копыта. Естественно, русские солдаты забирали себе лучшее мясо, а нам доставались головы и костистые части туш. Повара просто бросали коровьи головы в суповые котлы – с волосами, глазами, ноздрями – там было все! Хотя они делали попытки удалять волосы, мы быстро сообразили, что лучше не разглядывать вплотную то, что приходилось есть. Если нам доставалось немного мяса, мы считали, что нам повезло и не жаловались на то, что на нем остались волосы. Как-то я нашел коровий глаз в моем супе. Иногда нам доставалось приличное мясо, поскольку у русских бывали американские консервы, которые им не нравились, и они кидали их нам в суп. Для нас в любом случае это было самым лучшим мясом.

Нам также давали жиденький чай или эрзац-кофе, сделанное из какого-то обжаренного зерна. В дополнение к супу, чаю или кофе нам выдавали триста граммов хлеба в день, но русский хлеб на две трети состоял из воды, и когда он высыхал (сушили его на печке в бараке), от трехсот граммов оставалось сто. Кроме хлеба мы получали тридцать граммов сахара и двадцать граммов жиров (масло, маргарин или заменитель).

Я менял свои сигареты на еду. Еды в лагере не хватало, но сигареты в нем были всегда, и всегда были люди, готовые поменять часть своих пайков на сигареты. На самом деле, некоторые преднамеренно ели все меньше и меньше, а курили все больше и больше, чтобы нанести ущерб здоровью, надеясь, что русские отправят их домой, когда дела станут совсем плохи. У некоторых людей постарше это получалось, но в большинстве эти люди просто наносили вред своему здоровью. Не знаю, сколько калорий в день нам полагалось, но так как все ходили голодными, этих калорий явно не хватало. Возможно, если бы нам полностью доставались полагающиеся нам пайки, и русские солдаты не мухлевали бы с коровьими головами и т.п., еды хватало бы в обрез. На удивление, в лагере совсем мало болели...

По вечерам русские часто включали для нас через громкоговорители московское радиовещание. Так нам удавалось слушать довольно много классической музыки, что доставляло мне большое удовольствие. Благодаря музыке время шло быстрее. Я уверен в том, что русские давали нам слушать музыку, чтобы сделать нас податливее. Они сами любили музыку и даже разрешили нам создать оркестр, который больше играл для русских, чем для нас. Однако, и у нас временами были концерты.

В лагере были военнопленные из всех европейских стран: болгары, румыны, чехи, поляки, австрийцы, венгры, итальянцы, испанцы – люди из тех стран, которые были союзниками Германии. Но, конечно, основная масса военнопленных состояла из немцев. От 10 до 15% лагерного контингента были

младшие офицеры (чином ниже майора), которые попали в этот лагерь из-за своей принадлежности к какому-либо дворянскому или знаменитому семейству. Около 5% были гражданскими лицами, попавшими в лагерь по той же причине, и 80-85% - старшими офицерами (от майора и выше). В целом, мы поддерживали в лагере немецкую военную иерархию. Мы не носили знаки различия и не использовали в обращении чины и звания, но все знали воинские звания друг друга, и большинство из нас поддерживали соответствующие отношения.

Я быстро обнаружил, что Красногорский лагерь был населен интересными людьми. Русские заполнили его выдающимися представителями военного и гражданского сословия со всей Европы и Азии: исследователями, учеными, дипломатами, артистами, генералами, людьми дворянского звания – людьми, которых русские находили полезными и интересными для них. Я чувствовал, что мне выпала удача находиться в заключении с самыми лучшими и яркими представителями народа Германии, но, вместе с тем, мне казалось, что русские, по всей вероятности, расстреляют нас одного за другим, когда получат от нас все, что им нужно, поскольку эти люди могли оказать огромное влияние на события у себя дома. Я понял, что оказался в лагере потому, что в свое время был офицером оперативного отдела у генерала Вейдлинга (*Helmut Weidling – умер в Бутырской тюрьме в 1955 году - ВК*), и они хотели получить цельную картину того, что происходило в последние дни войны в Берлине и, в особенности, в бункере Фюрера. В их руках также были сам Вейдлинг, фон Дюфвинг (*Theodore von Dufving (1907 - 2001) – вернулся в Германию из советского плена в 1955 году - ВК*), Рефиор (*Refior*) и другие старшие офицеры, которые в последние часы были в Берлине. Другими словами, я был в этом лагере, а не в обычном рабочем лагере, только из-за своего местонахождения в последние недели войны. Русские отнеслись к мне с интересом только из-за моего участия в обороне Берлина... Мне было трудно «оправдать» ту удачу, которая сопровождала меня всю войну. Мне пришлось принять ее как мое предназначение без чувства вины – вины в том, что я возвращался домой, в госпиталь и военные училища, когда другие оставались на фронте, в том, что я выжил, когда столь многие погибли, в том, что мне не нужно было работать в том время, как многих морили до смерти работой в трудовых лагерях.

Я пришел к заключению, что русские свозили нас в Красногорск потому, что мы располагали необходимой им информацией, или потому, что они рассчитывали рекрутировать, обучить и вернуть в Германию людей, которые будут шпионить для них или работать на них. Они полагали, что любой человек с известной фамилией может быть особенно влиятельным у себя дома, и мысль у русских работала в двух направлениях: находясь в лагере, эти люди не смогут настроить своих соотечественников дома против России, а если удастся завербовать людей с громкими именами, их можно будет послать обратно в Германию для того, чтобы они расположили людей позитивно по отношению к России. Итак, немало людей оказались в этом лагере только из-за своих фамилий. Например, таким был человек по фамилии Truman, которому принадлежал магазин сигар в Потсдаме. Русские спросили у него, был ли он родственником американского президента, и он похвастался, что, вероятно, это было так, поскольку брат его деда в свое время эмигрировал в США. Его похвальба дала ему билет в Красногорск! Другого звали Аккерманн. Его отец был влиятельным немецким политиком до ПМВ. Он привлек внимание русских своей фамилией и был отправлен в Красногорск. Был там человек по имени Хьюго Дерпфельд (*Hugo Dörpfeld*). Его отец, Вильгельм Дерпфельд, был директором Немецкого Археологического Музея в Афинах и помогал при раскопках Олимпии и Трои. Он оказался в Красногорске только потому, что русские выявили его родство с выдающимся человеком.

Русские были явно равнодушны к дворянам, хотя перебили или выгнали из страны своих дворян. Вероятно, около 30% лагерного контингента имели дворянское происхождение. Большинство были генералами или офицерами генерального штаба, но были и гражданские. Часть лагеря была огорожена деревянным забором, чтобы мы не могли видеть гражданских заключенных – в основном, семью польского князя Радзивилла. Русские привезли князя в Красногорск, чтобы он не мог оказать влияния на события в послевоенной Польше. Его семья состояла из 12-15 человек, принадлежащих к трем поколениям. Этой семье был отведен специальный барак, спрятанный за высоким забором. Было очевидным почтение, с которым они относились к князю. Мы знали об этой семье от католического священника, который жил в нашем бараке, и который проводил богослужения для этой семьи. Я не знаю, был ли молодой князь Радзивилл, впоследствии породнившийся с семьей Президента Кеннеди, одним из заключенных Красногорского лагеря (имеется ввиду *Станислав Радзивилл, женившийся на Lee Bouvier - младшей сестре Жаклин Кеннеди. Он не был заключенным Красногорского лагеря, но, судя по Википедии, его бабка, княгиня Анна Lubomirska (1882–1947), действительно умерла в СССР, находясь в заключении - ВК*).

Еще одним заключенным благородных кровей был князь Шверин (Schwerin). Он был вдовцом из богатой семьи, владевшей большими имениями в Мекленбурге и Померании. Многие члены его семьи были министрами, а один был даже министром финансов при Гитлере. Это был один из самых старых людей в лагере и один из самых достойных. Хотя он и не был по природе общительным человеком, мне он оказывал всяческую дружескую поддержку. Русские посадили его в лагерь из-за его знаменитого имени и из-за того, что он был богатым помещиком. Они могли знать и то, что его женой была русская княгиня, эмигрировавшая в Германию после революции. Думаю, русские держали таких людей, как Радзивилл и Шверин, в лагере в качестве заложников - на всякий случай...

Со временем я лично познакомился со всеми жителями нашего барака, знал по имени, вероятно, половину лагеря и в лицо – большинство заключенных (что-то около 600 человек). Я также знал большинство из тех, кто сотрудничал с русскими в обмен на дополнительные пайки, и тех, кто отказался от сотрудничества.

В лагере быстро формируются группы людей, которых привлекает друг к другу общее прошлое и интересы. Группы варьировали в размере от 5 до 10 человек. Эти люди спали рядом и ели рядом друг с другом. Вольфе (Wollfe), конечно, был в моей группе, я ему полностью доверял, и его природное дружелюбие и оптимизм помогли множеству людей в безрадостные времена, проведенные в лагере. Майор Фридрих фон Буркерсрода был еще одним хорошим другом и доверенным лицом. Он тоже был дружелюбным человеком, но, что более важно, уравновешенным и зрелым, излучающим ауру сильного характера. Он был также очень интеллигентен и внушал уверенность окружающим. В свое время он был дивизионным адъютантом и был захвачен в плен русскими солдатами, которые, по его словам, отличались куда большей жестокостью, чем русские солдаты-мужчины. Он происходил из старого дворянского рода, владеющего большими имениями, оказавшимися в Восточной Германии.

Его младший брат Курт также был частью нашей группы. Он был просто кожа и кости и выглядел намного старше своих лет. После войны русские настойчиво выискивали среди пленных людей дворянского происхождения. Когда они обнаружили, что у них в руках двое братьев из одной дворянской семьи, но в разных лагерях, их свели вместе, вероятно, полагая, что после этого братья проявят склонность к сотрудничеству с ними. Это не сработало, но Курту от этого стало лучше. Будучи

обер-лейтенантом, он должен был работать, но, все-таки, здесь было гораздо легче, чем в трудовом лагере.

Фон Вангенхаймы (von Wangenheim) – еще одна пара братьев – также входили в мою группу. Старший брат Конрад был участником Олимпийских Игр в Берлине в 1936 году (участвовал в так называемых Трехдневных Скачках). Во время кросса он упал с лошади и сломал ключицу, но вновь вскочил на лошадь и добрался до финиша, невзирая на страшную боль. Поскольку он обеспечил своей команде золотую медаль, в Германии он стал героем. Разумеется, русские знали об этом... В нашей группе был и офицер оперативного отдела 6-й Армии фон Паулюса – полковник генерального штаба. Это был спокойный человек, страдавший после всего того, что пришлось перенести в Сталинграде. Ему было под сорок. Он видел столько смертей в ожесточенных боях и смертей от голода и холода, что и сам сломался, хотя дома его ждали жена и дети. Он просто выживал в лагере день ото дня...

В лагере был католический священник. Он входил в группу священников, сотрудничавших с русскими и писавших статьи и заявления о том, что христианин тоже может быть коммунистом. Русские посылали священников, писавших подобное, в другие лагеря, но наши оставались в Красногорске по какой-то причине. Мы знали, что делал наш священник, но он был близок нам по духу, и мы приняли его в свои ряды. Мы подолгу дискутировали с ним на тему его сотрудничества с русскими. Он как-то смог внушить себе мысль, что приходится делать все необходимое, чтобы выжить и служить другим заключенным. Он признавал, что его просто могли бы сломать и заставить подписать то, что им было нужно, поэтому он и решил подчиниться. Он ощущал себя просто прагматиком. Но коммунист был атеистом по определению – как мог атеист также быть католиком? Он также ссылался на то, что «мы потеряли свою страну», что было обычной темой среди заключенных, сотрудничавших с русскими в обмен на лучшую еду и лучшее обращение. Он просто выживал, был хорошим собеседником и всегда находил объяснения тому, что он делал, когда требовалось оправдание...

Гауптман Павелек, бывший судья, теперь отвечал за наше питание. В Красногорске он был из-за того, что раньше занимал такую влиятельную позицию и был из известной семьи. Русские побаивались его, поскольку он мог настроить против них других. Он хотел выжить сам и хотел, чтобы выжили другие. Он спорил с теми, кто оправдывал сотрудничество с русскими тем, что «мы потеряли свою страну». Он воспринимал это резко отрицательно, поскольку это наше поколение помогло разрушить Германию, и теперь ее восстановление стало нашей обязанностью.

Князь Шверин тоже входил в нашу группу. Хотя он был больше чем на 20 лет старше меня, мы стали близкими друзьями. Он тоже менял свои сигареты на еду: русские относились к пожилым гражданским лицам, как к старшим офицерам – они получали сигаретный рацион и не были обязаны работать. Шверин был знатным ходоком и каждый день накручивал множество километров вдоль лагерной ограды.

Не считая священника, все были близкими друзьями, между которыми можно было обсуждать все. У нас было много долгих бесед на множество тем. Эта возможность разговаривать помогла нам поддерживать себя в здравом уме. Это был одним из немногих видов оружия против постоянного промывания мозгов, подавления и скуки...

Раз в неделю мы получали по ведру теплой воды для мытья. Это был Банный День. В этот день мы шли в помывочную и получали по крошечному куску мыла, которого должно было хватить на неделю. Мы

получали по деревянному ведру, в котором помещалось около двух галлонов воды, и брали ведро в помещение, в котором раздевались и мылись. Затем мы принимали холодный душ. У нас были маленькие полотенца, которые использовали от одного Банного Дня до другого. В этот же день мы брились. Русские, само собой, держали бритвы под замком, а брил нас парикмахер из числа немецких военнопленных. Время от времени нас стригли наголо. Это делали под предлогом борьбы со вшами. Если у кого-то заводились вши, наголо брили всех. Это унижало нас, но мы к этому привыкли.

Вероятно, наихудшим аспектом лагерной жизни после потери свободы и голода были постельные клопы – миллионы клопов. Их было так много, что они кусали нас и в дневное время. Убивать их смысла не было, поскольку им не было числа. Самые крупные из них были величиной с божью коровку. В конце концов мы убедили активистов в том, что это нужно довести до сведения русских. После этого нас стали выводить из барака каждые два-три месяца, чтобы дать возможность продезинфицировать помещение. Затем на несколько дней проблема исчезала, но вскоре количество клопов вновь начинало расти. Русские не могли полностью избавиться от них, и для заключенных, страдавших аллергией, это был сущий ад. В наихудшие моменты некоторые из нас буквально покрывались клопами с ног до головы.

Мы носили одежду, в которой прибыли в лагерь. На мне была моя униформа с галифе, китель и сапоги. У меня также были брюки, в которых ходили военнослужащие наших механизированных войск. В момент сдачи в плен я носил их поверх галифе. Кроме этого, у меня было две пары нижнего белья и две рубашки. Нам пришлось снять знаки различия с нашей формы, и мы не имели право носить какие-либо награды. Согласно Гаагской конвенции нам должны были разрешить носить награды, но русские этого не позволяли, потому что на всех наградах была свастика, и мы понимали их чувства по отношению к этому. Мы не чувствовали того, что Сталин и коммунизм были в чем-то лучше Гитлера и фашизма, но мы не хотели провоцировать их без особых причин.

В первое время я носил сапоги и галифе. Позднее я купил пару сделанных в лагере сандалий на деревянной подошве, и с ними я стал носить длинные брюки, что позволило продлить срок жизни сапог и галифе. Сандалии едва ли сгодились бы для походов, но для лагерной жизни вполне подходили. Летом мы не носили носков... Позднее, когда наше белье изнашивалось, русские выдали нам довольно примитивные армейские фланелевые кальсоны. Наше белье стирали раз в неделю заключенные. Мы не могли стирать какую-либо одежду, кроме белья. Зимой русские давали нам старые рубашки и изношенные ватные телогрейки. Мы поставили на них заплатки и носили их. Во всяком случае, они были чистыми и согревали. Русские рубашки были бесформенными, и на них не было пуговиц – на них были просто завязки.

Немецкие военнослужащие не прибывали в лагерь с ранениями, которые требовали лечения. Таких людей лечили в Германии перед отправкой в лагерь. У многих были старые раны (например, некоторые не могли ходить без палки), но ни у кого не было открытых ран. По счастью, ни одна из моих ран меня не беспокоила во время заключения. Если кто-то заболел, он попадал в лагерьный лазарет, в котором работало двое немецких врачей и санитаров. Русские боялись эпидемий и старались предотвратить их. Нас регулярно подвергали дезинфекции от вшей, и каждые три месяца мы проходили медосмотр. Однако, эти медосмотры состояли из раздевания и прохождения мимо стола, за которым сидело трое русских врачей (двое из трех обычно были женщинами). Они просто осматривали нас, чтобы удостовериться в том, что у нас здоровый вид. Они останавливали кого-то и

спрашивали о чем-то, только если он имел болезненный вид. Иногда нам говорили повернуться кругом и иногда даже щипали, чтобы увидеть, сколько на нас жира. Если кто-то был сильно покусан клопами, они обращали на это внимание и проявляли беспокойство, не было ли это кожным заболеванием. В целом это не было серьезным медосмотром.

Время от времени комендант лагеря пытался заставить старших офицеров работать. Тем не менее, мы знали номер и дату подписанного Сталиным приказа о том, что старшие офицеры не обязаны работать, и когда бы русские не пытались говорить нам о том, что надо потрудиться, мы цитировали им этот приказ. Когда это случилось в первый раз, нам было приказано выйти из барака и построиться. Затем комендант заявил, что нас отправляют на работу. Мы процитировали ему приказ Сталина, и он начал ораторствовать на нас: «Вы – преступники! Вы будете делать то, что вам говорят!» Затем немецкий полковник, знавший приказ досконально, процитировал приказ с большей детальностью. Какое-то время комендант продолжал ораторствовать, но затем сдался. Мы подозревали, что он получал деньги за каждого работающего заключенного...

Никого не заставляли трудиться так много, как немецких военнопленных, оказавшихся в рабочих лагерях (в них старших офицеров заставляли работать). Наши товарищи работали 8 часов в день и получали за это еду и сигареты. Они никогда не жаловались. Если они работали в лесу, им удавалось принести в лагерь немного дров и продать их другим заключенным. Если они работали на фабриках, им удавалось стащить небольшие кусочки металла и плексигласа и продать их в лагере тем, кто мог сделать из этих материалов что-то полезное. Они также вступали в контакт с русскими рабочими, которым они могли продавать сделанное руками мастеровитых заключенных – портсигары, рамки для картин и шахматы. Здесь они действовали в качестве посредников и получали комиссию. Они работали 6 дней в неделю. Хотя правительство России не видело какой-то религиозной значимости в воскресном дне, оно признавало его в качестве выходного. Те, кто не работал и не находил себе занятия – те, кто просто валялись на нарах и думали о доме и еде, начинали опускаться...

Те из нас, кто не работал, находили себе самые разнообразные занятия. Среди нас были эксперты по всем вопросам – теологи, дипломаты, бухгалтеры, юристы, писатели, коммерсанты, поэтому мы организовывали неформальные лекции. Кто-то говорил: «Давайте побеседуем о садоводстве!», и бывший профессор начинал говорить о растениях, цветах, деревьях, о том, как сажать их и как ухаживать за ними. Прочие лекции могли быть посвящены бухгалтерии, экономике, истории и пр. Подобные группы возникали по всему лагерю, летом на воздухе, зимой в бараках. Нам приходилось формировать небольшие группы, поскольку русские через заключенных-активистов не давали собираться большим группам. Активисты постоянно держали всех под строгим наблюдением, поскольку русские боялись бунтов.

... В день мы прослушивали до 15 лекций. Те, кто приходил на лекции, поддерживали свой существующий интеллектуальный уровень и приобретали новые знания. Те, кто читал лекции, старались не растерять свои существующие знания. Само собой, они читали лекции по памяти, поскольку учебников не было. Я продолжил изучение иностранных языков, оттачивая свой французский и английский и приступил к изучению испанского. Я практиковал свое знание итальянского, беседуя с итальянскими военнопленными, и даже изучал право, посещая лекции бывшего судьи Павелека.

Мы также играли в карты, хотя это было запрещено – в российской армии карты были запрещены, и этот запрет автоматически распространялся и на нас. Мы обходили запрет, говоря русским, что наши деревянные карты – это домино. Они не были настолько тупыми, чтобы поверить нам, но притворялись, что верят, поскольку игра в карты проходила в тихой и спокойной атмосфере. Каждые несколько месяцев мы проводили чемпионат лагеря по бриджу и шахматам. Участвовало так много представителей разных национальностей, что мы называли соревнования международными. Чемпионат продолжался несколько дней, и каждая национальная группа посылала своих представителей. Венгерский полковник и я неоднократно встречались в финале, и на протяжении всего моего срока в лагере я оставался чемпионом по шахматам.

Мы также занимали свое время тем, что изготавливали друг другу подарки на Рождество и дни рождения. Мы покупали дерево у заключенных, работавших на лесозаготовках, а жезь покупали у тех, кто работал на кухне. Консервные банки использовались для различных целей, в том числе для изготовления маленьких ножинок. Люди вырезали из дерева шахматные фигуры, портсигары и т.п. Один заключенный даже изготавливал настенные часы, в котором все колеса и шестеренки были сделаны из консервных банок. Мы называли эти часы *Oscar Meyer* (американская фирма-производитель консервных банок с названием *Oscar Mayer* (sic!) – ВК). Заключенные, работавшие на фабриках, продавали русским рабочим созданные лагерными умельцами различные изделия. У меня до сих пор хранятся подарки: складной набор рамок для картинок и фотографий, резной портсигар и выигранный мной чемпионский приз – алюминиевый портсигар.

Привезенные Зигфридом Кнаппе из России подарки, сделанные заключенными-умельцами, – шахматы, складной набор рамок, алюминиевый портсигар – приз за победу в шахматном первенстве лагеря

Скучать не приходилось. Некоторые попадали под страшный психологический пресс, потому что весь день валялись на нарах и думали о еде. Мы все постоянно ходили голодными, но я был все время чем-

то занят, и у меня не оставалось времени на думы о пище. Хотя лагерная рутина продолжалась почти пять лет, я сумел избежать скуки. Только когда я начинал думать о доме, мне становилось тяжело. Когда я начинал впадать в депрессию, я напоминал себе о всех тех немецких солдатах, которых морили непосильным трудом в рабочих лагерях.

Я всегда любил спорт и разработал для себя программу физических упражнений. Летом я ходил по лагерю около часа, а затем полчаса занимался гимнастикой. В самое холодное зимнее время я оставлял пешие прогулки и просто делал гимнастику. Многие другие тоже занимались различными упражнениями. Малокалорийная диета была причиной того, что мы быстро уставали, и по этой причине некоторые вообще не делали никаких упражнений, но я держался неплохо, так как прикупал себе еду в обмен на сигареты.

Бумага в лагере была исключительной ценностью. Ее просто не было. Ее не было даже у русских. Когда нас пересчитывали, они делали отметки на небольшой деревянной доске. После того, как количество заключенных проходило проверку, они соскребали цифры ножом для повторного использования доски.

Иногда, когда не было сигарет, нам выдавали махорку «Красная Звезда», но при этом у нас не было папиросной бумаги. Газеты в лагере были только у активистов и у тех, кто работал переводчиком. Переводчики могли читать русские газеты «Правда» и «Известия», поэтому у них была бумага для самокруток. Активисты и переводчики делились бумагой с друзьями, но другим приходилось покупать у них бумагу или изготавливать курительные трубки. Одна газетная страница стоила шестьсот граммов хлеба. Единственной другой разновидностью бумаги, попадавшей к нам, была упаковочная бумага для табака, и она была едва ли не большей ценностью, чем сам табак. В нашей группе было 12 человек, мы делили этот кусок бумаги на 6 частей и получали эти куски по очереди. Бумага была слишком толстой, чтобы делать из нее самокрутки, но на ней можно было писать. Бумага была белой с красной звездой, серпом и молотом.

В мае 1946 года, день в день через год после того, как я сложил оружие в Берлине, русские разрешили нам написать домой. Мне разрешили написать открытку, к которой была приложена другая открытка для ответа. Мне разрешили написать только пятнадцать слов, и только пятнадцать слов могло быть написано в ответ. Я написал Лило (жене – ВК), что жив и здоров. Через два месяца я получил ответ, и только теперь я узнал, что она и Клаус (сын – ВК) пережили войну... Начиная с мая 1946 года, нам разрешили обмениваться открытками с женами два раза в год, хотя в качестве приза за победы в шахматных чемпионатах я получал разрешение на дополнительную открытку.

Русские регулярно допрашивали нас на протяжении всего срока пребывания в лагере. Обычное интервью состояло из следующих вопросов: «В каких частях вы служили?», «Что вы делали?», «Где в России вы побывали?», «Когда это было?». Они знали названия и номера наших воинских частей и имели довольно четкое представление о том, где и когда побывали эти подразделения. Немецкие солдаты, которые участвовали в акциях по уничтожению населенных пунктов и гражданского населения, имели мало шансов на то, чтобы выжить – их расстреливали или морили в рабочих лагерях.

Порядок интервью со мной с самого начала отличался от вышеописанного, потому что я был офицером оперативного отдела 56-го Бронетанкового Корпуса в период обороны Берлина и бывал в бункере Фюрера в последние дни войны. Русские хотели составить цельную картину того, что происходило в эти последние дни, поэтому они взялись за всех, кто был там. От меня, прежде всего, им нужна была

информация о Гитлере, Геббельсе, Бормане и других крупных фигурах в нацистской иерархии. Они хотели найти тех из немецких лидеров, которые были в Берлине в последние дни Рейха. Их также интересовали немецкие методы ведения войны и военные концепции. Они собирали информацию об этом ото всех и на всех уровнях. Русские также считали, что немецкое руководство разработало планы по организации подпольного сопротивления после капитуляции. Действительно, в свое время ходили разговоры о партизанской борьбе, и, по-видимому, какие-то планы имели место, но, насколько я знаю, ничего подобного так и не произошло. Но русские беспокоились об этом и об этом меня часто спрашивали.

Еще одной темой допросов было то, что они считали «военными преступлениями» в самой России и в каждой из восточноевропейских стран, в которых они теперь доминировали. Во время допросов они пытались узнать, где мы были в те моменты времени, когда казнили партизан, или происходило что-то в этом духе. Если обнаруживались совпадения, они старались копнуть глубже. Меня допрашивал в основном полковник Штерн (? – в тексте - Stern). Это был человек ростом выше среднего, довольно лощеный, по облику – центрально-европейского происхождения, с привлекательной внешностью, хорошо образованный, культурный, говоривший по-немецки безо всякого акцента и всегда носивший гражданскую одежду. Он сильно отличался от других офицеров, служивших в лагере, – те выглядели по-крестьянски. Он допрашивал меня каждые четыре недели в начале моего срока, когда русские хотели узнать побольше об обороне Берлина. Штерн был евреем, и во время первого допроса спросил меня об Освенциме.

- Вы - второй русский офицер, который спрашивает меня об этом, - ответил я, слегка удивляясь этому.
- Первый, там, в Берлине, рассердился и сказал: «Не притворяйтесь, что вы не знаете об этом! Что значит «не знаю»!»

Штерн долго смотрел мне в глаза, перед тем как ответить: «Концентрационный лагерь в Освенциме был одним из нескольких лагерей уничтожения, в которых были уничтожены миллионы евреев и восточноевропейцев,» - сказал он с очевидным презрением. – «И я тоже не верю, что вы об этом не знали. В конце концов, вы ведь бывали в штабе Фюрера».

Я был уверен, что эта очевидная ложь была своего рода трюком. То, что он говорил, просто не могло быть правдой, но я решил подыгрывать ему до того момента, пока не станет ясно, чего он добивается.

- У меня в Берлине было время только на то, чтобы воевать, - сказал я. – Даже для этого времени не хватало.

Хотя это было нелегко, я со временем убедил его в том, что ничего не знал об Освенциме или о других лагерях уничтожения.

«Но вы знали о концлагерях?» - спросил он в итоге. – «Да, я знал о Дахау как о месте, где правительство держало политических агитаторов, евреев и гомосексуалистов. Об этом писали в газетах, но ничего не говорилось о том, что людей уничтожают».

После этого Штерн больше не поднимал этот вопрос. Он задавал специфические вопросы о событиях в Берлине. У меня не было каких-либо неприятных столкновений с ним во время допросов. Он ничего не записывал, поэтому я был уверен, что его интересовали только небольшие детали. Он интересовался

датами, боями на Одере и за сам Берлин, и тем, кто и чем командовал. После того, как мои следователи удовлетворились историями о том, что происходило в Берлине, они обратились к событиям 1941-го года в России. Они хотели знать, где был я и в каких частях. Они проявляли большой интерес к тому, как сотрудничали с нами русские. Разумеется, многие русские по нашу сторону фронта работали на нас в госпиталях, на складах и т.п. Следователи хотели узнать их имена, но они знали, что я был на фронте, и всегда оставляли меня в покое, когда я говорил, что не знал таких людей.

Однажды, когда меня допрашивал другой следователь, переводчиком была молодая хорошенькая женщина. Как-то следователь оставил меня наедине с ней. Я только что рассказал, что бывал в Италии, и, когда следователь ушел, она сказала мне, что тоже бывала в Италии. Мы заговорили об этом, и она спросила меня, знаю ли я итальянскую песню «Parla me d'amore» (Говори со мной о любви), и пропела несколько слов из нее. Мы проговорили очень сердечно несколько минут, но, когда вернулся следователь, она насупилась и опять приобрела деловой вид. Очевидно, она побывала в Италии в качестве шпиона, поскольку обычный русский офицер едва ли мог попасть туда до войны или во время войны. Это был один из очень немногих моментов, когда я увидел нормальное человеческое поведение со стороны кого-то из русских, хотя Штерн тоже иногда вел себя по-человечески, когда мы были один на один.

Я быстро выучил русский в достаточном объеме, чтобы понять вопросы моих следователей, хотя никогда не показывал этого, поскольку притворное непонимание давало мне время на подготовку ответа. Это было важным, поскольку иногда просто одно слово о рубке деревьев для блиндажей или на дрова, слово о кормлении лошадей русским зерном или взрыве моста во время отступления из России могло привести к приговору на срок в 25 лет в рабочем лагере. Это была своего рода игра, которую они позднее изобрели для того, чтобы найти причину не отправлять кого-то домой. По счастью, мои рассказы были правдоподобными и последовательными. Я убедил своих следователей, что у меня никогда не было проблем со снабжением на русском фронте, поскольку мы всегда находились близ основных дорог, и наши транспортные части всегда подвозили все необходимое. Мои рассказы были логичными, и я никогда не сбивался – поэтому мне верили. Мне повезло в том, что я всегда воевал близ основных транспортных артерий, что провел много времени в госпиталях и в училищах, что никогда не был не в том месте не в то время – там, где, например, сожгли деревню...

... Я пытался ни в коем случае не демонстрировать враждебное отношение к СССР, но, когда меня об этом спрашивали, я всегда настаивал, что Германии теперь необходимо поддерживать хорошие отношения со всеми странами, чтобы выжить в послевоенном мире, и Россия, конечно, остается ее самым могучим соседом. Если на меня давили, я откровенно говорил, что не считаю коммунизм наилучшей формой правления для Германии, но был достаточно осторожен, чтобы не критиковать эту систему или хвалить фашизм. После допроса мы должны были подписать протокол. Как-то следователь приказал мне подписать протокол, написанный по-русски, и я отказался, потому что не мог прочитать его. Следователь рассердился и начал орать, поэтому я написал «Я не понимаю по-русски» и подписался. Он рассердился еще больше, но я отказался ставить свою подпись как-то по-другому, поскольку это могло стать моим смертным приговором.

Еще одной целью допросов было получение информации о людях, которые могли стать кандидатами в русские шпионы.

Заклученные постоянно перемещались из лагеря в Бутырскую и Лубянскую тюрьму и обратно. Мне повезло в том смысле, что я ни разу не побывал ни в одной из политических тюрем. В них содержались наиболее важные с точки зрения русских персоны, где они находились под полным контролем. Когда русские приходили к выводу, что из этих людей выжата вся возможная информация, их переводили в Красногорск. Но и в лагере этих людей продолжали допрашивать время от времени.

Каждую неделю из политических тюрем приходили новички – всегда с мертвенно-бледными лицами, поскольку дневной свет не проникал в их тюремные камеры. Какое-то время после пребывания в тюрьме они боялись всех и всего, держались очень тихо и ко всем относились с подозрением. Эти люди были легкой добычей для активистов. Они легко поддавались попыткам активистов сделать из них коллаборантов или шли противоположным путем – становились на неумный путь открытого сопротивления, что приводило к их исчезновению...

Фон Дюфвинг, Рефиор и Вейдлинг все побывали в Бутырке, как и многие другие немецкие генералы и офицеры Генерального Штаба. Когда обработка этих людей завершалась, их отправляли к нам в Красногорск в том случае, если их не считали в чем-то опасными. В противном случае их посылали в рабочие лагеря. Рефиора прислали к нам, а фон Дюфвинга отправили в рабочий лагерь, где он провел два года.

К первому лагерному Рождеству в 1945 году каждый из нашей группы скопил небольшую порцию хлеба, сахара и жиров для пирога. Поскольку хлеб на две трети состоял из воды, его можно было смешать с сахаром для выпечки пирога. Затем мы смешали сахар и масло или маргарин – что было под рукой – чтобы сделать что-то типа глазури для пирога. В сочельник мы собрались всей группой. В то же время нам приходилось охранять пирог от возможной кражи, поскольку все были очень голодны. Вкус пирога был райским. Мы сидели в своем бараке и вспоминали рождественские вечера дома, думали о женах и детях. Мы спели несколько рождественских песен, и наш священник провел короткую мессу (делалось это очень тихо, поскольку русские не потерпели бы проведения религиозной службы). Мы обменялись подарками, которые купили или сделали сами – сигаретами, портсигарами и пр., пытались воссоздать какое-то подобие гражданской жизни в лагере. После пения и торжеств сочельник проходил очень тихо и печально, поскольку все погрузилось в воспоминания о счастливом прошлом. В смысле тоски по дому сочельник был самым тяжелым днем в году...

Во время Нюрнбергского процесса русские хотели свалить вину за убийство польских офицеров в Катыни на Германию, хотя к тому времени Международный Красный Крест уже подготовил доклад, подтверждающий преступную роль русских в этом событии. Чтобы доказать свою правоту, русским был нужен свидетель, поэтому они выбрали немецкого военнослужащего, которого можно было заставить дать показания о том, что он был в расстрельной команде. Они нашли кандидата на эту роль в рабочем лагере и привезли его в Красногорск для обучения. Это был крупный крестьянский мальчик, любивший развлечения и слишком доверчивый. У него хватало интеллекта, чтобы понять, что подобными действиями он подвергает свою жизнь смертельной опасности. Он был из-под Нюрнберга, и русские обещали дать ему возможность посетить семью, если он будет сотрудничать с ними. Он без проблем нашел обоснование для своих действий, поскольку русские убедили его в том, что страны, которой он присягал, больше нет. Его посадили на улучшенный паек, дали новую форму и возможность почувствовать себя важной персоной.

Его обучали несколько недель, вероятно, до того момента, когда он искренне поверил в то, что ему надо говорить. Затем наступил день, когда он исчез, и через несколько дней, читая новости, мы узнали, что он был представлен на процессе в качестве ключевого свидетеля. Он в деталях описал, как его пехотное подразделение осуществило Катынский расстрел...

После нескольких дней непрерывного потока новостей о Катынском расстреле и о том, как немецкие солдаты хладнокровно уничтожили четыре тысячи невинных польских офицеров, какая-либо информация об этом неожиданно перестала приходить вообще. Еще через несколько дней ключевой свидетель русских вернулся в лагерь. Он все еще держался с гонором, как и прежде, но не был столь спокоен, потому что русские так и не разрешили ему повидать родителей. Ему так ничего и не перепало за его предательство, кроме того, что с ним лучше обращались и лучше кормили. По возвращении в лагерь его продолжали кормить лучше, чем других, но когда он начал жаловаться на то, что русские не сдержали свое слово, последние узнали об этом стали обращаться с ним так же, как с остальными заключенными. Он начал жаловаться еще громче, что было совсем уж неумно. После этого он исчез...

Во время Нюрнбергского процесса мы ежедневно получали информацию о происходящем там. Мы узнали о нацистских лагерях уничтожения и, в конце концов, стали воспринимать это, как правду, а не как пропаганду русских. Среди нас до этого превалировал скептицизм по отношению к историям о лагерях уничтожения, в основном, из-за того, что русские пытались свалить на нас казнь польских офицеров в Катыни. Но когда стало ясно, что западные союзники и русские судят людей, действительно ответственных за подобные зверства, стало очевидно, что в этом есть доля правды, хотя мы по-прежнему считали невозможным поверить в то, что было уничтожено шесть миллионов евреев.

Мы знали, что нацистское правительство преследовало евреев и что их загоняли в концлагеря только потому, что они были евреями. Антисемитизм в Германии имел долгую историю, и Гитлер использовал его в своих политических целях, свалив все беды на евреев. Нам нетрудно было поверить, что кто-то из евреев был убит, но цифра в шесть миллионов для нас была слишком большой и не внушающей доверия. Тем не менее, медленно и с грустью мы начали осознавать то, что нацисты совершили ужасающие преступления.

Я знал о политических концлагерях типа Дахау, в которые людей посылали для «политического перевоспитания». Но эти люди возвращались и занимали прежние роли в немецком обществе, и после возвращения они переставали быть в оппозиции к системе. Это знали все. В Германии не было традиции свободы слова, которую американцы столь высоко ценят, и мы не видели ничего необычного в том, что людей посылали в Дахау на «перевоспитание» - особенно в свете того, что это помогало поддерживать стабильность в обществе. Были и шутки насчет Дахау – такого же типа, как и нынешние шутки, относящиеся к Сибири. Профсоюзные лидеры и коммунисты, которые боролись против политики нацистов, отправлялись в Дахау вместе с евреями и гомосексуалистами. Но там никого не убивали - по крайней мере, насколько нам было известно.

Размышляя об этом, я часто возвращался к моей юности, к середине 1930-х, когда популярность Гитлера в Германии была невообразимой и когда в Германии никому и не снились последовавшие за этим кошмары. Гитлер принес политическую и экономическую стабильность, что находило отклик в душе каждого немца. Фактически, он заново объединил немецкий народ, который был расколот на десятки политических течений во времена демократической Веймарской республики. Важнейшим

фактором популярности Гитлера было возвращение национальной гордости. На протяжении 1920-х и в начале 1930-х нам постоянно говорили, что это мы начали ПМВ (что казалось неправдой) и что мы получили за это по заслугам. Немецкое правительство постоянно говорило нам о том, что Версальский Договор отнял у Германии большие куски ее территории и отдал их другим странам. Поэтому шаги Гитлера, направленные на возвращение национальной гордости, были положительно восприняты немецким народом. Гитлер дезавуировал Версальский договор, который нанес Германии столь значительный экономический ущерб, и его действия по возвращению немецких земель и населения под крыло Германии были одобрены народом. Договор также ограничил численность немецкой армии до 100 000 человек, сделав невозможной оборону страны. Поэтому шаги Гитлера по увеличению вооруженных сил после расторжения Версальского договора были популярны. Гитлер доминировал в Германии потому, что действовал эффективно на ранней стадии своего правления и потому, что вернул немцам их гордость. Никогда, даже в самых диких ночных кошмарах мы не предполагали того, что наше правительство совершит такие зверские преступления.

Я понимал и принимал такие вещи, как проигрыш в войне, потеря свободы и страны. Война – это обдуманый риск, в котором есть победители и проигравшие. Я принимал те наказания, которые нам приходилось нести за проигрыш. Но мы когда-то считали, что наше участие в войне было благородным и достойным. Теперь нам оставалось только устыдиться того, что наше благородное начинание, нацеленное на устранение несправедливостей, продиктованных Версалем, и возвращение того, что принадлежит нам по праву, привело к бесчеловечным ужасам лагерей уничтожения. Не было оправдания попыткам уничтожить целый народ. Я помню правительственную пропаганду, утверждавшую, что существует мировой еврейский заговор, нацеленный на захват господства во всех странах мира. В 1920-30-х годах евреи занимали высокие должности в правительстве, были банкирами и промышленниками – они контролировали значительную часть немецкого национального богатства, и Министерство Пропаганды постоянно играло на этих струнах, когда нацисты пришли к власти. Но даже если правительство действительно ощущало угрозу от такого «еврейского заговора», сумасшествием было думать о том, что целая раса должна быть уничтожена. Меня тошнило от этих новостей. В конце концов... я решил принять все так, как это было, для того, чтобы продолжать жить. Я заставил себя думать о том, что происходит здесь и сейчас. Будучи профессиональным военным, я не мог сбросить с себя мою долю вины, поскольку без нас Гитлер не смог сделать все эти ужасные вещи, но как человек я не чувствовал вины: я не принимал в этом участия и не знал о том, что происходило..., но наша слепая и абсолютная вера в Гитлера дала ему возможность совершить все это.

Лагерное население делилось на три части: Безразличное Большинство, Оппозиция и Активисты. Большинство заключенных принадлежало к первой категории. Я принадлежал к Оппозиции, но нам полагалось, в основном, помалкивать. Открытое сопротивление могло привести просто к нашему уничтожению за «фашистскую деятельность» или «военные преступления». Храня молчание, мы оставались в безопасности, но нас постоянно донимали немецкие активисты.

Активисты, которых также называли «антифашистами», были открытыми коллаборантами. Они контролировали лагерь. Они получали приказы от русских, информировали русских и шпионили для русских. Русские называли их словом *natchalnik*, и мы иногда использовали это слово. Если нам было что-то нужно от русских, например, дезинфекция от клопов, нам нужно было спрашивать об этом у активистов, поскольку только они имели право говорить с русскими. Чтобы поддерживать свой статус и иметь такие привилегии, как лучшее питание и обращение, им предписывалось признавать,

принимать как должное и разделять взгляды русских на все происходящее. Некоторые активисты были менее радикальными, чем другие, и они пытались поддерживать относительно хорошие отношения с членами Оппозиции путем объективного обсуждения различных вопросов. В основном, это были люди, чьи семьи проживали в русской оккупационной зоне. Они чувствовали, что у них нет другого выбора, кроме как служить русским, но они не хотели, чтобы их считали предателями. Небольшая группа активистов состояла из настоящих прорусских агитаторов. Они расхваливали и оправдывали все, что исходило от русских. Только в редких случаях среди них были люди, ставшие настоящими коммунистами. Если должно было произойти что-то неприятное, русские не делали этого сами – на них работали коллаборационисты. Например, если имела место попытка побега, русские передавали нам через активистов, что мы все должны выстоять на холоде ровно час. То есть, власть была у активистов, и наши судьбы от них полностью зависели.

Активисты читали прокоммунистические лекции, и от нас требовалось посещать их. Они были актерами в идеологически выдержанных постановках, которые тоже нужно было посещать, и они же писали зажигательные статьи, которые необходимо было прочесть. Активисты также распространяли политические резолюции, касающиеся вопросов, по которым у русских были разногласия с Западом. Активисты оказывали на всех давление, требуя подписать подобные документы. Они говорили: «Это нужно для сохранения мира. Советский Союз хочет мира во всем мире, а западные державы – это поджигатели войны. Вы за мир, или за войну? Если вы за мир, подпишите эту резолюцию». Во время блокады Западного Берлина, когда русские пытались закрыть бывшим союзникам все дороги в эту часть столицы, на нас оказывали давление с требованием подписать резолюцию, поддерживающую советскую блокаду. Целью этих резолюций было завоевание контроля над нашими умами. Вероятно, около 80% заключенных подписывали эти резолюции из страха перед возможными последствиями для себя.

Не все активисты были нижними чинами или малоинтеллигентными людьми. Некоторые были генералами и обладателями ученых степеней, фактически, эти-то и были наихудшим вариантом. Доктор Навроцки (Nawrocki), например, был наиболее опасным и активным. Он постоянно принуждал заключенных к подписанию резолюций и старался обратить их в коллаборантов. Этот бывший профессор университета оказался в лагере потому, что русские рассматривали его как интеллектуала и потенциально опасную личность, а он пытался убедить их в том, что он им незачем его бояться. Он был энергичнее русских в их же пропаганде. Он заботился только о себе и относился к другим с презрением. Надменный и высокомерный, казалось, он не извлек каких-либо уроков из поражения Германии. Он был настроен на получение высокого поста в контролируемой коммунистами части Германии после освобождения. Другим таким активистом был командир нашего барака генерал-майор Бамлер. После того, как Германия оккупировала Норвегию, он стал начальником штаба группировки оккупационных войск в этой стране. Позднее он был переведен на Восточный Фронт на должность командира дивизии и попал в плен в 1944 году, когда была разгромлена Группа Армий Центр. Он всегда искал выгоду только для себя. Он не только делал все то, что от него требовали русские – он делал и то, что русские *могли* хотеть от него. Он не просто хотел вернуться домой, но, как Навроцки, он хотел занять высокий пост в новом правительстве Восточной Германии.

Он стал одним из самых активных, беспринципных и опасных лидеров и организаторов на службе НКВД. Он подписывал все, что от него требовалось, писал агитационные листовки и делал все возможное, чтобы другие заключенные следовали его примеру. Он сотрудничал с русскими в сборе и

фабрикации свидетельств, использовавшихся для предъявления обвинений и осуждения людей на долгие сроки. То, что случилось со многими людьми, останется на его совести. Конечно, мы все знали, что это не было неожиданной трансформацией – что-то было на его совести, и он пытался спасти себя за счет других. Конечно, и русские знали об этом. Может быть, будучи начальником штаба группировки войск в Норвегии он отдал приказ о казни партизан или тех, кто их поддерживал. Для русских это было серьезным военным преступлением, и, будучи человеком военным, он был обязан держать свою территорию под контролем. Наверное, русские особенно не заморачивались с этим, поскольку Норвегия была их врагом в Холодной Войне, но, если бы это произошло в одной из восточноевропейских стран, находящихся теперь под их контролем, они бы точно казнили Бамлера. Он боялся, что русские вернут его норвежцам для судебного расследования, и думал, что сотрудничество с русскими спасет ему жизнь, пожертвовав для спасения своей жизни и привилегий все свои убеждения, достоинство и самоуважение. Хотя он и прикидывался новообращенным коммунистом, я уверен, что русские верили ему не больше, чем мы.

Был еще один активист – бывший майор Генерального Штаба. Он отлично играл в бридж, и я часто играл с ним в паре, потому что такой тандем был практически непобедим. Он попал в плен в Сталинграде в 1943 году и был зол на Гитлера за то, что тот не разрешил им перегруппироваться и отступить под Сталинградом. Поэтому он был настроен против германских руководителей так же, как и Паулюс. Он чувствовал себя человеком, потерявшим страну и не имевшим каких-либо обязательств по отношению к кому-либо. Он не чувствовал вины или стыда за сотрудничество с русскими в обмен на работу на кухне и привилегии. Хотя мы знали, что он не принес вреда кому-либо из нас, мы вели себя с ним осторожно. Он не был мрачным и депрессивным типом, несмотря на свои взгляды на ситуацию. На самом деле, он был весельчаком большую часть времени.

Еще одним активистом был молодой офицер по имени Князь фон Вальдерзее (Count von Waldensee), попавший в лагерь из-за своей дворянской фамилии. Его дед был прусским генерал-фельдмаршалом и начальником Генерального Штаба. Внуку было немного за 20. Несмотря на благородное происхождение, парень легко поддавался на блеф и давление. Он сильно боялся того, что русские не разрешат ему вернуться домой из-за такого деда, и поэтому сотрудничал с ними.

В каждой этнической группе русские создали Антифашистский Актив. Эти группы подчинялись приказам НКВД, и через эти группы русские знали все, что происходит в лагере. Иногда русские сталкивали различные этнические группы. Одной из этнических групп были австрийцы, которые, разумеется, забыли, что в 1938 году 90% взрослого населения их страны проголосовало за присоединение к Рейху. Русские разжигали у австрийцев чувства наподобие того, что их обратили в рабство и теперь нужно ненавидеть немцев за это. Это привело на их сторону множество людей, которых они использовали для контроля за ситуацией в лагере. Вообще, австрийцы носили на рукавах красно-бело-красные флажки, чтобы отличаться от остальных.

... Все, что делали русские, было нацелено на одно – укрепить свои позиции в предстоящей решающей битве с «капитализмом» (это означало часть мира, находящуюся вне зоны их контроля) и ослабить своих врагов любым способом. Огромный объем изливающейся на нас пропаганды оказывал на нас депрессивное воздействие. Политические лозунги были на плакатах, расклеенных по всему лагерю, – они всегда были в поле зрения: на бараках, на прачечной, на туалете, на административном корпусе – везде! Их задумка была такова: если что-то повторять снова и снова, это становится неоспоримым

постулатом в чьем-то мозгу. Таким образом они внушали людям, что «Советский Союз выступает за мир, а Соединенные Штаты – за войну». С моей точки зрения, этот тяжеловесный прием промывания мозгов работал. Люди постепенно приходили к выводу, что подвергать это положение сомнению просто нелогично. Нам также показывали фильмы с возмутительно извращенным политическим контекстом, чтобы оказать влияние на наше восприятие мира. Как-то русские начали привозить к нам профессоров из Московского Университета для чтения лекций по истории и политической философии. Через несколько месяцев они прекратили эту практику, поскольку мы задавали вопросы вместо того, чтобы просто принять то, что нам говорили. Если западная точка зрения применялась по отношению к их доктринам, эти доктрины не выдерживали каких-либо вопросов. Это было что-то вроде религии: принимаешь их доктрину на веру или нет. В их головах не было сомнений в правоте всего того, что говорили Маркс или Ленин. По их разумению было просто невозможным признать, что кто-то из этих людей был неправ. Мы обнаружили, что эти люди были настолько убеждены в правильности своих взглядов, что они просто не понимали того, что кто-то может мыслить по-другому. Когда мы обращали внимание на противоречия в их логике, они не знали, что сказать. Им казалось, что над ними смеются. У нас были свои профессора, задававшие такие вопросы, которые русские просто не понимали из-за того, что на их мозг была надета смирительная рубашка. Поэтому русские прервали курс политических лекций, хотя они достигли определенного успеха среди германских коммунистов, многие из которых потом возглавили восточногерманское правительство.

Важной целью для русских была подготовка шпионов, которые могли бы работать на них после возвращения домой. Им были нужны люди, которых можно будет шантажировать, люди, которые вернутся в Западную Германию или другую западную страну, окажутся там вне подозрений и смогут занять важные позиции в обществе. Чем выше было довоенное положение человека, тем выше была его интеллектуальная мощь; чем менее подозрительным было его поведение в плену, тем большую ценность он мог представлять для них. Но сначала нужно было принудить такого человека к сотрудничеству. Особенно старались русские завербовать людей, которые никогда в прошлом не отличались симпатиями к коммунизму – у себя дома такие люди остались бы вне подозрений! Тайные осведомители (а не известные всем активисты!) не только информировали русских о всем происходящем, но и помогали им выявить людей, которые могли оказаться полезными в будущем по возвращении домой...

С помощью активистов и осведомителей русские без проблем собирали свидетельства против любого заключенного. На этом основании заключенный мог попасть под суд за военные преступления не только в России, но и у себя дома! После сбора информации русские начинали оказывать на такого человека давление, после чего он мог прийти к выводу, что единственная возможность сохранить жизнь – это поставить подпись на соответствующем документе. Такой документ всегда содержал свидетельства о военных преступлениях, которые никогда не совершал ни один из других заключенных, но снимал ответственность с того, кто подписывал документ. Разумеется, подписывающий бумаги знал, что другие подписывали подобные документы, направленные против него самого – при необходимости русские показывали ему соответствующие документы, в которых содержались ложные обвинения против него. После того, как подпись была поставлена, человека спрашивали, готов ли он выполнять определенные задания по возвращении домой. Если он отказывался, он попадал в штрафной лагерь. Если бы он отказался сотрудничать после возвращения

домой, русские имели возможность предать огласке подписанные им документы, на основании которых он мог попасть под суд в своей стране.

Русские все время твердили, что мы были «военными преступниками». Это говорилось постоянно: «Мы вас сюда не приглашали. Вы вторглись в Россию. Вы все – военные преступники». Это было правдой – мы вторглись в Россию, и это было невозможно отрицать. Мы не несли ответственности за решение нашего правительства о нападении, но мы не могли отрицать того, что это Германия начала войну, и что мы были инструментом правительства в этой войне. Мы знали, что находимся в их милости. Убийство польских офицеров в Катыни было напоминанием о том, на что были способны русские, и это чувство собственной беспомощности брало вверх... Русские старались взвалить на нас тяжелое бремя вины, заставить считать каждого немца лично ответственным за вторжение и принять право Советского Союза на защиту самого себя любым способом от повторения немецкой агрессии и от немецкого высокомерия. Нам постоянно напоминали, что только благодаря беспрецедентному благодушию советского правительства нам вообще разрешили остаться в живых.

Русские предпочитали для этой роли людей без устойчивых политических взглядов. Хотя из них было невозможно сделать убежденных марксистов, едва ли такие люди могли встать в резкую оппозицию к политике или целям Советов. Для того, чтобы принудить таких людей к сотрудничеству, русские прибегали к таким приемам, как многомесячное содержание в одиночной камере (иногда в полной темноте), приостановка в предоставлении питания и непрерывные допросы (24 часа в сутки несколькими следователями) без сна и отдыха. Бессонница и утомление подавляли волю заключенного, приводя его в полубессознательное состояние. Комбинированное воздействие этих приемов жестокого обращения приводило к тому, что человек не выдерживал. Он ломался, и мы знали, что сломать можно каждого, если есть желание.

Одним из тех, кого обрабатывали подобным образом, был полковник Хайгль (Heigl), который в свое время работал в разведывательном управлении Люфтваффе. Его отец служил в немецкой военной миссии в Мадриде до войны, и он свободно говорил по-испански (в лагере я учился испанскому у него). Русские очень хотели сделать из него шпиона, так как он имел опыт работы в разведке, а его отец был дипломатом. Это был по природе веселый человек, но русские превратили жизнь Хайгля в ад, пытаясь завербовать его. Он был замордован бесконечными допросами и постоянным давлением. Его подвергали конвейерным допросам, неделями он находился в одиночном заключении в полной темноте. Он возвращался мертвенно-бледным и потерявшим способность ориентироваться в пространстве, угнетенным и унылым. Нам приходилось вести себя с ним осторожно, поскольку мы знали, что рано или поздно он сдастся, если этого еще не произошло. Голод, отчаяние, страх и безнадежность сломили многих заключенных. На некоторых голод оказывал более тяжелое воздействие, чем на других. Некоторые просто не могли думать ни о чем другом, кроме еды, и в итоге просто забывали о гордости. Дипломаты, генералы, дворяне, герои войны – невозможно было предугадать, кто продаст свою душу за пайку. Я видел генералов, копавшихся в куче мусора и пустых консервных банок рядом с кухонным блоком и выискивавших картофельные очистки. Я тоже голодал, как и мы все, но я всегда находил возможность выбросить это из головы...

Храбрость и трусость в лагере сильно отличаются от этих проявлений человеческого характера в лагере. Здесь я видел, как ведут себя люди, от которых никак нельзя было ожидать слабости, зная их боевые заслуги. Здесь был летчик-истребитель обер-лейтенант Граф (Graf), который сбил почти четыре сотни

вражеских самолетов. Будучи одним из самых заслуженных летчиков Люфтваффе, он имел все самые высокие награды за храбрость. Он не мог быть трусом, но он не выдержал психологического стресса лагерной жизни и поддался на давление русских. Он делал все, о чем его просили русские, поскольку он боялся, что ему никогда не позволят вернуться домой или еще как-то накажут. Холодный и отстраненный от других человек, он выглядел непокорным и извиняющимся одновременно. У него не было близких друзей. Он, очевидно, чувствовал, что делает все это только для того, чтобы выжить и вернуться домой. Он работал на кухне, поэтому питался лучше, чем мы, хотя, казалось, еда не была для него главным стимулом. Он не считал нужным защищаться и оправдывал свое поведение. Если его спрашивали об этом, он приводил твердые аргументы в том плане, что нет смысла хранить верность стране, которой больше нет, но в итоге он потерял самоуважение и уважение со стороны товарищей. Он не стал активистом, но подписывался под статьями, критически характеризовавшим Люфтваффе и военно-воздушные силы западных стран и расхваливавшим советские ВВС. Разумеется, правильным было противоположное. Германские, британские и американские ВВС были профессиональными и эффективными, тогда как по сравнению с ними советские ВВС никуда не годились. Было бы лучше для него, если бы он сказал: «Нет, это неправда. Я сбил более трехсот ваших самолетов и немногим менее сотни британских и американских. Мне жаль, но я не могу подписать эту статью, поскольку в ней говорится обратное». И мнение о нем было бы куда выше... Разумеется, документы показывали разницу в мастерстве между западными и советскими летчиками-истребителями, и его подпись под подобными статьями не задевала летчиков союзных ВВС, но эти подписи подрывали его самоуважение и уважение со стороны других заключенных. Это также помогало русским укрепить уверенность в боеспособности собственных летчиков. Но самым важным было то, что его подпись подкрепляла значимость пропаганды русских.

Я никогда не соглашался с активистами в том, что нужно сотрудничать с русскими для того, чтобы уживаться с ними. Следователям всегда была известна моя позиция. Я не получал привилегий, но меня не отделяли от других для более суровой обработки. Я открыто признавал, что Гитлер был катастрофой для Германии, хотя к этому выводу я пришел только в конце войны. Но я также говорил им, что мое образование и происхождение не позволяют мне принять их систему, и, казалось, они отнеслись к этому с уважением. В реальности немцы, перешедшие на сторону русских, мало чего добились. Русские часто считали, что им есть, что скрывать, и начинали копать глубже. Например, был у нас в лагере один полковник, который служил в Югославии во время войны. Он принял участие в акции по уничтожению партизан. В лагере он стал активистом и твердым сторонником русских, но у них зародились подозрения. В итоге они начали расследование и раскопали историю его дел в Югославии. Он командовал там полком, который уничтожил несколько деревень за поддержку партизан. Ему было около 40, это был серьезный и сознательный человек, который считал, что он выполнил свой долг по поддержанию порядка в Югославии. Дома его ждали жена и четверо детей, и он отчаянно хотел вернуться домой. Однажды он исчез, и через несколько недель мы узнали из ежедневных радионовостей, что он был осужден в Югославии за военные преступления и казнен...

Путем внимательных наблюдений можно было идентифицировать будущих агентов, завербованных русскими. Им доставались лучшие рабочие места или другие небольшие привилегии без какой-либо помощи со стороны активистов – иногда даже при противодействии со стороны активистов. Было заметно, что время от времени эти люди посещают административный корпус тогда, когда не было допросов. Но наиболее весомым свидетельством были напряженность и сдержанность в их поведении

по отношению к другим заключенным, особенно тогда, когда вы их уже знали на протяжении какого-то периода времени. Те, кто знал их, видели изменения в их поведении, хотя русские делали все возможное, чтобы замаскировать свои действия в этом направлении...

Доверительное товарищество стало моим спасением от постоянных попыток русских завоевать меня. Поддержание стойкости и должного расположения духа было для нас самым важным. Когда кто-то из нас показывал признаки негативизма или пораженчества, мы шли ему навстречу и помогали преодолеть это настроение. Важным подспорьем для нас был доступ к интеллигентным и поднимающим дух людям, которых в лагере было много. Их ценность для нас была выше, чем усиленный продуктовый паек.

Военнопленные из Красногорского лагеря возвращаются домой. 1950 г.
(<http://www.krasnogorsk.info/inside/modules/news/article.php?storyid=2745>)

Значимые события в лагерной и послелагерной жизни Зигфрида Кнаппе

Зима 1946 - 1947 – участие в съемках фильма «Разгром немцев под Москвой». Военнопленные немецкие офицеры участвуют в массовых сценах, изображая военнослужащих Вермахта.

Июнь 1947 – перемещение из Красногорского лагеря в Моршанский лагерь

Середина 1947 – перемещение в лагерь Михайловка (400км к СВ от Москвы)

Вторая половина 1949 года – перемещение в лагерь близ г. Иваново

Декабрь 1949 – освобождение и транспортировка в Восточную Германию

1949 – воссоединение с женой и детьми в Западной Германии

1952-53 – учеба в колледже в США

1954 – эмиграция в США

Перевод и обработка - Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org